

Научная статья

УДК 821.19

doi: 10.17223/19986645/95/10

Поджанр айренов-проклятий как выражение веры в магическую силу слова

Вано Альбертович Егиазарян¹, Тадевос Вруйрович Тадевосян²

¹ *Институт литературы НАН РА, Ванадзорский государственный университет
имени О. Туманяна, Ванадзор, Армения*

² *Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна, Ванадзор, Армения*

¹ vano.exiazaryan@mail.ru

² tadevosyantad8@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются айрены-проклятия, встречающиеся в цикле айренов (гномов), приписываемых Наапету Кучаку, которые построены исключительно на формулах проклятия. Цель статьи – обосновать народно-гусанское происхождение айренов-проклятий, которые построены на формулах проклятия и содержат древние верования в магическую силу слова. Актуальность статьи заключается в уточнении авторства и происхождения айренов, ошибочно приписываемых Наапету Кучаку. В статье применен герменевтический метод. Научная новизна статьи заключается в жанровом определении рассматриваемых айренов-проклятий и обосновании народно-гусанского происхождения айренов-проклятий на основе экстралитературных признаков.

Ключевые слова: формулы проклятия, экстралитературные признаки, поджанр айренов-проклятий, цикл айренов, средневековые рукописи

Для цитирования: Егиазарян В.А., Тадевосян Т.В. Поджанр айренов-проклятий как выражение веры в магическую силу слова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 187–196. doi: 10.17223/19986645/95/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/10

Subgenre of the curse-hayren as a magical belief expression in speech

Vano A. Yeghiazaryan¹, Tadevos V. Tadevosyan²

¹ *NAS RA Institute of Literature, Vanadzor State University named
after H. Toumanyanyan, Vanadzor, Armenia*

² *Vanadzor State University named after H. Toumanyanyan, Vanadzor, Armenia*

¹ vano.exiazaryan@mail.ru.

² tadevosyantad8@gmail.com

Abstract. The subject matter of the article is curse-hayrens found in the song world of hayrens (natives) called Kuchakian, which are built with curse formulas. The aim of this article is to substantiate their gusan-folk origin through the hayrens built with the formulas of the magical ancient belief of speech. The relevance of the article is the correction of the origin of the hayrens mistakenly attributed to Kuchak in Armenology. We used the professional method of hermeneutics in the research. The scientific novelty of the article is the genre definition of the curse-hayrens in question based on their features as well as the justification of the gusan-folk origin of the curse hayrens. The curse-

hayrens are built with curse formulas, which prove that they do not have an individual authorial origin, but are an expression of folk thinking and beliefs, which were used orally in the period of the Armenian Middle Ages as gusan-folk songs having versions and modifiers. In the discussed curses, some desires for bodily, religious-moral, social-civil and mental punishment were manifested, which appeared both directly as an expression of the magical belief in speech and in artistic representation as allegoric curse formulas. As a copying feature, taking into account the content of the discussed hayrens, which are exclusively expression-curse formulas of the belief in the magical power of speech, we determined their genre type – the curse-hayren subtype, while stating that curses are also found in other subtypes of hayrens, but they are curse-hayrens because they lack the structure of formulas as a whole, which is a requirement of the genre's stability and repeatability. Later in the 14th–18th centuries these curse-hayrens, involved in hayren verses, were registered in medieval manuscripts, none of which mentioned the name of Nahapet Kuchak as the author, but they were misattributed to him. It is quite obvious that the discussed curse-hayrens, which have versions and expressions of magical belief (curse formulae) in speech, are definitely medieval gusan-folk songs.

Keywords: curse formulas, copying feature, curse-hayren subgenre, hayren-verses, medieval manuscript

For citation: Yeghiazaryan, V.A. & Tadevosyan, T.V. (2025) Subgenre of the curse-hayren as a magical belief expression in speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 187–196. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/10

Автором одного заблуждения в арменоведении является Архимандрит Аристакес Тевканц, который армянские народно-гусанские айрены ошибочно приписал Наапету Кучаку [1]. Сторонниками этой точки зрения были также: Аршак Чобанян [2], Аветик Гукасян [3. С. 3–35], Мкртич Мкрян [4. С. 464–476] и другие.

Однако М. Абемян [5], А. Мнацаканян [6. С. 234–257; 7. С. 96–126; 8. С. 8–40], О. Еганян [9], П. Севак [10. С. 110], С. Арутюнян [11. С. 172–173; 12. С. 153–168], Ш. Григорян [13; 14; 15. С. 231–246; 16. С. 76–102], Х. Амирян [17], П. Хачатрян [18], В. Егиазарян [19, 20], признавая Наапета Кучака ашугом, не считают его автором айренов. Были опубликованы даже подлинные ашугские песни Наапета Кучака [21]. Тем не менее айрены продолжают переводиться на разные языки мира и распространяться как сочинения Наапета Кучака, в частности, для русскоязычной аудитории они известны как «песни Наапета Кучака» [22–25].

Теперь рассмотрим несколько айренов-проклятий, для которых характерен устойчивый и повторяемый признак формирования жанра, полностью структурированный формулами проклятий.

Да будут прокляты отец твой и мать твоя и священник, венчавший тебя,
Он срезал цветок кувшинки и привил его к шипу,
Кто разлучил тебя со мной, пусть покроется паршой, и моль изгрызет его кости,
Душу сожжет вечный огонь, о чем Господь предупредил бесов¹ [8. С. 78].

¹ Подстрочный перевод здесь и далее выполнен авторами статьи.

Этот айрен-проклятие сохранился в рукописи № 10208 (составлена после 1672 г.) из Матенадарана имени Маштоца, а также в рукописи № 9597, которая представляет собой «Сборник стихотворений», написанный после 1706 г.

Есть айрены, в которых проклинаются родители любимой девушки, прежде всего мать, с пожеланием телесного наказания: приведенный айрен принадлежит как раз к их числу. Примечательно, что этот айрен-проклятие обращен одновременно к трем лицам, которые прокляты по одной причине, так как разлучили влюбленную пару, а отец и мать девушки выдали ее замуж за другого. Священник, обвенчавший их, также проклят вместе с родителями. Люди, ставшие причиной разлуки, заслуживают не только телесного наказания («Пусть покроется паршой, и моль изгрызет его кости»), но и морального возмездия («Душу сожжет вечный огонь»).

Мотив проклятия очевиден («Кто разлучил тебя со мной»), поэтому все разлучники (в том числе и венчавший священник) соответственно своему проступку удостоиваются зловещего пожелания. С позиции проклинающего это вполне естественно, так как они причинили ему душевную боль.

«Проклятия, являясь словесным выражением аффективных психических раздражителей, являются результатом определенных объективных побуждений. Это всегда реакция проклинающего на конкретное дело, слово или поведение проклинаемого. Человек в нормальном душевном состоянии никогда не проклинает без конкретной причины», – пишет исследователь жанра С. Арутюнян [26].

В данном случае причиной проклятия было венчание любимой девушки с другим мужчиной, а автором проклятия является влюбленный юноша, лишенный своей избранницы, которую сравнивает с цветком кувшинки, привитой священником к шипу после венчания.

Хотя айрен дошел до нас в единственном варианте, он, несомненно, имеет народно-гусанское происхождение как выражение фольклорной веры в силу слова. Как отмечают современные исследователи «изначально проклятия несли магическую функцию – покарать словом, затем формулы проклятий стали употребляться, кроме магической, и в функции “эмоциональной разрядки”. Однако в народном восприятии эти виды речевых актов могут иметь одинаковые последствия» [27. С. 67].

Следует отметить, что в рассмотренном айрене наличествует некий поступок-мотив, за который проклинаются родители девушки и священник, но есть айрены-проклятия, в которых причиной проклятия является не действие, а невыполненное обещание:

Двое – одна смуглянка и один худощавый –
Живут в одном разрушенном доме.
Смуглянка сказала худощавому:
– Из груди моей я сделаю для тебя снадобье.
Сказала, но не сделала снадобье.
– Пусть сгинет на дне морском,
Рыбы съедят ее мясо
И будут тянуть от притока к притоку [8. С. 233, 245].

Этот айрен-проклятие дошел до нас в двух редакциях: первый вариант сохранился в рукописи № 671 (XVII в.), а второй – в рукописи № 343, переписанной в 1671 г. Оба варианта хранятся в Книгохранилище Конгрегации венских Мхитаристов.

Юноша, истрадавший от любви, прокладывает девушку, которая обещает сердечное удовольствие, но нарушает обязательство и не позволяет молодому человеку насладиться ее грудью, за что он ее жестоко прокладывает: исчезнуть в морской пучине, чтобы после смерти труп стал пищей для рыб.

Первое проклятие выражает пожелание телесного наказания, заслуженной смерти, а второе призывает к морально-физическому наказанию с жутким желанием, чтобы тело утонувшей девушки осталось без погребения. Это уникальное проклятие, продукт своеобразного художественного мышления. Существование различных вариантов этого айрена также косвенно свидетельствует о том, что мы имеем дело с народно-гусанским произведением, имеющим устное бытование.

Рассмотрим другие подобные айрены-проклятия, имеющие разные варианты и редакции, которые сохранились в многочисленных стихотворных циклах. Первый из приводимых далее айренов дошел до нас в рукописи № 671 из Книгохранилища Конгрегации венских Мхитаристов, второй приводим из книги Аристакеса Тевканца «Айрены, мелодии, стихотворения и песни», первичный источник которого нам неизвестен, а третий – в рукописи № 30 из Палатской церкви Св. Архангелов.

Кто не умилостит любящего человека,
Пусть умрет.
Пусть причиной смерти станет ее мать,
Пусть причастие не попадет в ее уста,
Пусть только лиса над нею плачет,
Пусть волки и вороны будут ее иереями,
Пусть в жертву ей принесут собаку,
Чей хвост станет для нее горящей свечой [8. С. 227, 323, 365].

Первое четверостишие этого айрена-проклятия во всех вариантах повторяется практически без изменения, а в последнем четверостишии меняются названия животных, хотя формула проклятия остается прежней.

В данном случае оплакивать умершую будет лиса, волк и вороны станут иереями, а собака – жертвенным животным, чей хвост будет гореть вместо свечи возле тела той, кому не жалко своего любимого. В айрене-проклятии проявляется желание физического и религиозно-морального наказания, которые имеют исключительно одну цель: чувство любви юноши должно быть осознано и оценено девушкой, иначе ее ждет жестокое наказание в виде проклятия.

Отметим, что в данном случае мы имеем дело с одним айреном-проклятием в трех вариантах, которые, хотя и сохранились в разных стихотворных циклах, но имеют одинаковые фольклорные формулы, устойчивые и повторяемые жанрообразующие признаки айренов-проклятий. Проклятия в ос-

новном направлены на любимую девушку, а в роли проклинающего выступает юноша, который боится, что возлюбленная его забудет. В этих случаях проклятие имеет условный характер: если девушка забудет его, то юноша проклянет ее. Естественно, если условие будет выполнено, проклятие не сработает, но в случае невыполнения юноша гневно злословит, ожидая исполнения проклятия.

Твои волосы – ивовые молоточки,
Да засохнешь ты, если меня позабудешь!
Станешь гнилой и изъеденной червями,
Если откорешь свою грудь для других.
Ночь идет к тебе
Во сне пусть увидишь страшилище.
Каждое утро вместе с зарей
Покидай его и возвращайся ко мне [8. С. 153].

Этот айрен-проклятие дошел до нас в рукописи № 1371 (1641 г.) и в рукописи № 1330 (время написания неизвестно) из Книгохранилища Конгрегации венецианских Мхитаристов.

Две формулы проклятия в этом айрене выражают желание телесного наказания, а третья – морально-физической расплаты. «Последнее проклятие уникально в своем роде и не встречается в других текстах. Речь идет о пожелании девушке увидеть во сне уродца, чтобы на рассвете она оставила его во сне и вернулась к любовнику. Опасение, что девушка забудет его, тревожит юношу и становится мотивом проклятия» [19. С. 40].

Уникальным является айрен, который дошел до нас в «Килисском сборнике стихотворений» под названием «Айрен о другом, написанный без строф».

Моя возлюбленная, мой зеленый огурчик,
Да засохнешь ты, если меня забудешь.
Высохнешь и будешь изъедена червями,
Если откроешь грудь перед кем-нибудь.
Умерешь и уйдешь на тот свет,
Что там будешь делать со своей белоснежной грудью?
Там черви съедят твою грудь,
Почему сейчас лишаешь меня этого удовольствия? [8. С. 261].

В этом айрене-проклятии используется определенный художественный прием, чтобы усилить впечатление от проклятия. Юноша называет возлюбленную «зеленым огурчиком»: если она забудет его, то этот свежий, крепкий и бодрый огурчик высохнет и станет добычей червей. Первая формула проклятия в этом айрене выражена аллегорически с пожеланием телесного наказания, а другое проклятие выражено без иносказания, но с тем же пожеланием телесного наказания: чтобы черви изглодали лилейную девичью грудь.

Еще один интересный айрен-проклятие сохранился в рукописи № 1371 из Книгохранилища Конгрегации венецианских Мхитаристов под названием «Армянский айрен о веселье» (1641 г.).

Кто не умиловит любящего молодца,
Пусть умрет.
Пусть причиной смерти станет ее мать,
Пусть причастие не попадет в ее уста,
Пусть змеи изготовят гроб,
Пусть жабы будут дяконами,
Пусть ворон будет священником,
А черная чайка – иереем [8. С. 178].

В этом айрене-проклятии выражено желание увидеть девушку приговоренной к смерти телесными наказаниями, так как она не сжалилась над влюбленным храбрецом. Даже после смерти он желает, чтобы она была похоронена не по христианскому обряду: змеи должны изготовить для нее гроб, лягушки станут дяконами, вороны – священниками, а черные чайки – иереями, которые совершат погребальный ритуал проклятой девушки. Это стремление к религиозному и нравственному наказанию, выраженное художественной образностью и исключительным поэтическим воображением.

Рассмотрим еще один айрен-проклятие, который дошел до нас в рукописи № 7712 из Матенадарана имени Маштоца под названием «Любовное стихотворение» (XVIII в.), еще раньше – в рукописи О. Кюртыана (1678 г.) и в «Сборнике стихотворений Давид-Бека».

Я вскочил вместе со своей душенькой –
Она хотела удержать меня и запретить уезжать,
Чтобы я поклялся не покидать ее.
– Нет, я уеду, не останусь.
– Уезжай в далекий мир,
В чужие страны,
Пусть сердечко твое плачет и просится ко мне,
Пусть слезы все время будут стекать из глаз [8. С. 275].

Здесь выражается желание социально-гражданского наказания: чтобы возлюбленный стал скитальцем на чужбине. Формулой проклятия в этом айрене является желание причинить душевные муки изгнаннику, чтобы его сердце постоянно томилось в тоске и глаза не высохали от слез. Этот вид проклятий представляет собой отдельную группу, которая выражается желанием социально-гражданского наказания.

До нас дошли айрены-проклятия, в которых мать проклинает сына: айрен с таким мотивом сохранился в «Килисском сборнике стихотворений» под названием «Айрен о любви, сказанный ашугами».

Моя мать, когда меня родила,
Прокляла меня, чтобы я стал скитальцем на чужбине:
– Уезжай в чужую страну,
Не будет у тебя ни отца, ни матери, ни брата.
Везде, где увидишь брата и сестру,
Отвернешься от них и начнешь плакать.
Пусть черным будет твое изголовье,
Будешь спать на земле,
Под головой – только шапка,
И будешь уповать только на Бога [8. С. 255].

Другим вариантом того же айрена-проклятия является версия, опубликованная Аристакесом Тевканцем в сборнике «Айрены, мелодии, стихотворения и песни». Здесь присутствуют некоторые лексические разночтения, но формула проклятия сохраняется прежней: мать проклинает сына и желает, чтобы он подвергся социально-гражданскому и душевному наказанию и стал отверженным бродягой.

Мать прокляла сына:
– Сын мой, ты станешь скитальцем.
Уезжай в чужую страну,
Чтобы познать долю бездомных.
Камень станет твоим изголовьем,
Будешь спать на песке
И просыпаться рано утром.
И будешь уповать только на Бога [8. С. 342].

Существование этих версий свидетельствует о том, что они звучали в народной среде в разных вариантах, но с одинаковым негативным устремлением. Примечательно, что недоброжелательность проклинающей матери выражается не стремлением к телесному наказанию, а выражает желание душевного наказания: чтобы сын все время тосковал по отцу и матери, брату и сестре.

В заключение отметим, что проклятия в айренах встречаются довольно часто, причем не только в айренах-проклятиях, но и в любовных айренах, в которых не вся структура текста основана на формулах проклятия. Под айренами-проклятиями мы подразумеваем те айрены, которые полностью построены на формулах проклятия, что и является жанрообразующей особенностью этих стихотворений, отличающей их от других жанровых подвидов монострофических произведений.

Выводы

1. Рассмотренные айрены-проклятия построены на формулах проклятия: данный факт свидетельствует о том, что они не имеют индивидуально-авторского происхождения, а являются выражением народного мышления и верований, которые имели устное распространение среди средневекового армянского населения, как гусанские народные песни, имеющие варианты и различные редакции.

2. В айренах-проклятиях проявлялись пожелания физического, религиозно-нравственного, общественно-гражданского, душевного наказания, которые выступали или непосредственно, как выражение веры в магическую силу слова, или косвенно в аллегорических художественных образах, основанных на формулах проклятия.

3. В качестве экстралитературного признака, принимая во внимание содержание рассмотренных айренов, которые представляют собой формулы проклятия, основанные на исключительной вере в магическую силу слова,

мы определяем их жанровый тип как подтип айренов-проклятий, отмечая при этом, что проклятия встречаются и в других подтипах айренов, но айренами-проклятиями они не являются, так как в целом не имеют структуры формул проклятия, которые и определяют требования к устойчивости и повторяемости жанра.

4. Позже, в XIV–XVIII вв., эти айрены-проклятия были объединены в стихотворные циклы и включены в средневековые армянские рукописи, но ни в одной из них не упоминалось имя Наапета Кучака как автора произведений, однако, по недоразумению стали приписываться ему. Очевидно, что рассмотренные айрены-проклятия вместе со своими вариантами выражают веру в магическую силу слова в виде формул проклятий и определенно являются армянскими песнями средневекового народно-гусанского происхождения.

Список источников

1. Тевканц А. Айрены, мелодии, стихотворения и песни. Тифлис, 1882. (на арм. яз.).
2. Чобанян А. Сборник Наапета Кучака. Париж, 1902. (на арм. яз.).
3. Наапет Кучак. Айрены. Ереван : Айпетрат, 1957. С. 3–35. (на арм. яз.).
4. Мкрян М. Наапет Кучак // Видные деятели армянской культуры V–XVIII веков. Ереван : Издательство Ереванского университета, 1976. С. 464–476. (на арм. яз.).
5. Абеян М. Труды. Т. II. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1967. (на арм. яз.).
6. Мнацаканян А. Об айренах и Наапете Кучаке // Историко-филологический журнал. 1958. № 2. С. 234–257. (на арм. яз.).
7. Мнацаканян А. Первый сборник средневековых любовных айренов и проблема айренов // Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1971. С. 96–126. (на арм. яз.).
8. Айрены / сост. А. Мнацаканян. Ереван : Наири, 1995. С. 8–40. (на арм. яз.).
9. Еганян О. Армянографические тюркские стихотворения Наапета Кучака // Вестник Матенадарана. 1960. № 5. (на арм. яз.).
10. Севак П. Саят-Нова. Ереван : Советский писатель, 1987. С. 110. (на арм. яз.).
11. Арутюнян С. Наапет Кучак // Армянская Советская Энциклопедия. Т. 8. Ереван : Издательство Совета Министров Арм. ССР, 1982. С. 172–173. (на арм. яз.).
12. Арутюнян С. Проблема айренов и новое научное собрание Асатура Мнацаканяна // Историко-филологический журнал. 1996. № 1-2. С. 153–168. (на арм. яз.).
13. Григорян Ш. Древнеармянские гусанские песни. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1971. (на арм. яз.).
14. Григорян Ш. Кто же, в конце концов, Наапет Кучак? // Вестник общественных наук. 1984. № 7. (на арм. яз.).
15. Григорян Ш. Кто же на самом деле Наапет Кучак? // Базмавеп. Венеция, 2000. № 1–4. С. 231–246. (на арм. яз.).
16. Григорян Ш. История армянской ашугской литературы. Ереван : Зангак-97, 2003. С. 76–102. (на арм. яз.).
17. Амирян Х. Тюркоязычные армянские ашуги: Османская империя: XVI–XX века. Париж, 1993. (на арм. яз.).
18. Сокровищница древнеармянской поэзии / сост. П. Хачатрян. Ереван : Айгитак, 2000. (на арм. яз.).
19. Егиазарян В. Айрены. Ванадзор : Типография СИМ, 2007. (на арм. яз.).
20. Егиазарян В. Кучаковское недоразумение или незнание? // Литературная газета. 2008. 25 января. (на арм. яз.).

21. *Наапет Кучак*. Ашугские песни / сост. В. Егизарян. Ереван, 2017. (на арм. яз.).
22. *Айрены*, мелодии, стихотворения и песни. Тифлис, 1882.
23. *Песни любви* / пер. А. Амбарцумяна, СПб., 1904.
24. *Наапет Кучак*. Стихотворения / пер. Ал. Степана, предисл. М. Мкряна. Ереван, 1941.
25. *Сто и один айрен* / предисл., составл., подстроч. пер. Л. Мкртчяна. Ереван, 1976.
26. Арутюнян С. Жанр проклятий и благопожеланий в армянском фольклоре. Ереван, 1975. С. 125–126. (на арм. яз.).
27. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. № 23. С. 67–81.

References

1. Tevkants, A. (1882) *Hayrens, melodies, poems and songs*. Tiflis. (In Armenian).
2. Chobanyan, A. (1902) *Collection of Nahapet Kuchak*. Paris. (In Armenian).
3. Nahapet Kuchak. (1957) *Hayrens*. Yerevan: Aypetrat. pp. 3–35. (In Armenian).
4. Mkryan, M. (1976) Nahapet Kuchak. In: *Prominent figures of Armenian culture from the 5th to the 18th centuries*. Yerevan: Yerevan State University. pp. 464–476. (In Armenian).
5. Abegyan, M. (1967) *Works*. Volume II. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
6. Mnatsakanyan, A. (1958) About ayrens and Nahapet Kuchak. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 234–257. (In Armenian).
7. Mnatsakanyan, A. (1971) The first collection of medieval love ayrens and the problem of ayrens. In: *Pages of the history and philology of the Armenian people*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. pp. 96–126. (In Armenian).
8. Mnatsakanyan, A. (1995) *Hayrens*. Yerevan: "Nairi". pp. 8–40. (In Armenian).
9. Eganyan, O. (1960) Armenographic Turkic poems of Nahapet Kuchak. *Vestnik Matenadarana*. 5. (In Armenian).
10. Sevak, P. (1987) *Sayat-Nova*. Yerevan: Sovetskiy pisatel". p. 110. (In Armenian).
11. Arutyunyan, S. (1982) Nahapet Kuchak. In: *Armenian Soviet Encyclopedia*. Volume 8. Yerevan: Izdatelstvo Soveta Ministrov Arm. SSR. pp. 172–173. (In Armenian).
12. Arutyunyan, S. (1996) The problem of ayrens and the new scientific collection of Asatur Mnatsakanyan. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 1–2. pp. 153–168. (In Armenian).
13. Grigoryan, Sh. (1971) *Ancient Armenian gusan songs*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
14. Grigoryan, Sh. (1984) Who, after all, is Nahapet Kuchak? *Vestnik obshchestvennykh nauk*. (7). (In Armenian).
15. Grigoryan, Sh. (2000) Who really is Nahapet Kuchak? *Bazmavep*. Venice. 1–4. pp. 231–246. (In Armenian).
16. Grigoryan, Sh. (2003) *History of Armenian ashugh literature*. Yerevan: Zangak-97. pp. 76–102. (In Armenian).
17. Amiryan, Kh. (1993) *Turkic-speaking Armenian ashughs: Ottoman Empire: 16th–20th centuries*. Paris. (In Armenian).
18. Khachatryan, P. (2000) *Treasury of ancient Armenian poetry*. Yerevan: "Aygital". (In Armenian).
19. Egizaryan, V. (2007) *Hayrens*. Vanadzor: Tipografiya SIM. (In Armenian).
20. Egizaryan, V. (2008) Kuchak misunderstanding or ignorance? *Literaturnaya gazeta*. 25 January. (In Armenian).
21. Kuchak, N. (2017) *Ashugh songs*. Yerevan. (In Armenian).
22. Anon. (1882) *Hayreny, melodii, stikhotvoreniya i pesni* [Hayrens, melodies, poems and songs]. Tiflis.

23. Anon. (1904) *Pesni lyubvi* [Songs of love]. Translated by A. Ambartsumyan. St. Petersburg.
24. Kuchak, N. (1941) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated by Al. Stepan. Yerevan.
25. Mkrtchyan, L. (1976) *One hundred and one ayrens*. Yerevan.
26. Arutyunyan, S. (1975) *The genre of curses and blessings in Armenian folklore*. Yerevan. pp. 125–126. (In Armenian).
27. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017) К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: обобщающая характеристика предиката проклятия [Towards the reconstruction of the lexical composition of Russian folk curses: general characteristics of the predicate of the curse]. *Jezikoslovni zapiski*. 23. pp. 67–81.

Информация об авторах:

Егiazарян В.А. – д-р филол. наук, профессор, Институт литературы НАН РА, Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: vano.exiazaryan@mail.ru

Тадевосян Т.В. – канд. филол. наук, доцент, Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: tadevosyantad8@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Yeghiazaryan, Dr. Sci. (Philology), professor, NAS RA Institute of Literature, Vanadzor State University named after H. Toumanyann (Vanadzor, Armenia). E-mail: vano.exiazaryan@mail.ru

T.V. Tadevosyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University named after H. Toumanyann (Vanadzor, Armenia). E-mail: tadevosyantad8@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 19.05.2025.*